

к р и т и к а

.....

23 октября в Клубе-81 состоялся вечер, посвященный памяти ленинградского поэта Роальда Мандельштама. Выступили - Н.Подольский, Б.Иванов; читали стихи пэты - А.Илин и С.Рейман. Общее впечатление - стихи, написанные более четверти века назад - от времени не потускнели. Более того, яркая метафоричность, насыщенность культурно-историческими ассоциациями, смелая автономность своего мира воспринимаются ныне как поразительное опережение работ поколений поэтов.

В небольшом эссе С.Реймана отражается современное восприятие поэзии Р.Мандельштама.

.....

С.Рейман

"Я полон злорадного чувства..."

.....

В словах поэта открывается для меня его жизнь.

Из одного целого начинается другое, создается здание, которому нет равных, жизнь, лиясь через край, наполняет сосуд смерти, обретая в нём новую жизнь и новую смерть.

Один китайский чайханщик, рожденный вместе с философией, сказал, что зло становится явным тогда, когда люди узнают, что существует добро. Однако, независимо от этого, вы никогда не встретите людей всегда довольных или недовольных постоянно.

Есть люди, к которым слово "довольство" не применимо. Они не имеют вещей и не знают, что такое аппетит, потому что всегда голодны.. Но желания их не велики, и, будучи подчас не-понятны окружающим, они стремятся к цели, которой нет выше, и, достигнув её, устраниются, тем самым обретая бессмертие, ибо более не владеют тем, что создано, а стало быть не могут этим созданным гордиться.

Но если источник иссяк, то это еще не означает, что он исчез и что в других корнях, под вековечными стволами не пройдет его живительная струя.

Там, где нищета составляет богатство, и в грехе торжествует добродетель, там, где почти ничего не изменилось за полтора века, где все те же переулки и колодцы-дворы, куда ненадолго, освещая лишь верхние этажи, да чахлые цветочки в деревянных ящиках, заглядывает солнце, где и по сию пору старушки-задворники прикармливают ~~шиш~~ голубей, и время от времени слышится то далекий, словно нездешний, то близкий, но тихий перезвон Никольских колоколов, он прожил без малого тридцать лет.

Медленное, почти безжизненное движение радужной оболочки

воды в узких каналах Новой Голландии, свет фонарей, то яркий в короткую пору белых ночей, то призрачный и мутный в дождливые октябрьские вечера, Манеж, бульвар — всё то, что лишь отдаленно напоминает жизнь и что только внутри нас и в слове обретает бессмертие, всё это осталось в его стихах.

Имя его теперь достаточно хорошо известно среди литераторов, среди почитателей традиций, среди новых поколений — Родольф Мандельштам.

Короткая жизнь его известна мало, но слово его бессрочно. Может быть, поэтому одно из стихотворений, посвященное ему, звучит так:

Помните, слышите, тёмная, тихая
ночь пронесется потоками памяти
Вечно тяжелой, рожденной замерто
влагой застывшей так плавно, так дико.

Ты не поверишь, но что мне до этого
Когда просыпаюсь в бреду и полуночи
Жду не дождусь, покаянный, рассвета
Первой листвы шелестящей на улице.

Только саженою плетью надрезано
Небо прольется над полем над колосом
Только так тихо, так нехотя, медленно
Сердце заплачет в объятиях голоса.

Сколько бы я не перечитывал его стихи, меня всегда поражает, как много было доступно его взору. Как удивительно тонко умел он находить созвучие — мерило истинной поэзии, находить пространство и заключать вещь в её вещественную оболочку, которая ощущается подчас гораздо больше, чем самий предмет, и оттого обнаруживается его неизвестная нам доселе черта:

(Мертвой, чугунной вороной
Ветер ударит в лицо...)

Пожалуй, ещё никто не ощущал предмета так ласково и полно, передавая непроходящую живость, безумную законченность,

не создавал во плоти посредством звука сказочную гармонию фигур и линий, наполняя их плотью и кровью – жизнью, молча познавая то, что видят глаза и слышат уши. Но первые слепы, глухи вторые и только в полной темноте и пустоте нисходит к нам ощущение, но, пожалуй, никто из современников так глубоко и полно не обладал ощущением мрачной пустоты, которая требовала от художника максимальной отдачи сил, чтобы эту пустоту заполнить. Отголоски его песен можно найти и в картинах его друзей-художников тех лет, в работах Арефьева и Шемякина, Рихарда Васми и Шагина.

Подчас стихи и полотна полностью совпадают:

Мой шаг тяжелый, как раздумье
Безглазых лбов, безлобых лиц
На площадях давил глазунью
Из луж и ламповых яиц.

На одном из полотен Арефьева изображены именно такие лица. Возможно, сказалось именно пребывание среди художников, дружба с ними, жизнь, заключенная в круг дружеских отношений, полная отчаяния и невзгод, преодоление жестоких её законов и вечная неудовлетворенность, вознаграждаемая упорным трудом. Я видел его портрет, написанный Шеломом Шалей/.

Чувственны черты, лицо дышит, человек живет, одинокий и среди друзей, одинокий в себе, измученный болезнью, находя выход только в творчестве, гордый, непримиримый.

Сама культура его стиха позволяет увидеть его талант, схватывать и доводить до максимального напряжения увиденное, познанное и навсегда запечатленное в строках, почти всегда беспокойных, но чеканных – от чисто созерцательного имажинизма, ярких и точных картин городских пейзажей до утверждения силы собственно человеческой, нравственной, величественной и глубоко духовной.

За десять лет, проведенных в клоаке умирающего города, Роальд написал более трехсот стихотворений, и чье бы влияние не испытывал он, чьи бы мотивы не затрагивал – всегда его предмет, обладая новым качеством, предстает удивительно про-

стым, зорким и в ясности своей бесконечно сложным, прекрасным.

О чем бы он не писал, он всегда оставался верен своему видению мира, своим ощущениям. Пожалуй, никто из поэтов этой поры не обладал таким богатством красок, оттенков, поэтической законченностью образов, такой экспрессивностью и жесткостью. И за этой экспрессивностью и сжатостью поэтического строя — зубовный скрежет, израненное сердце и прокаженная плоть.

С детства изможденный бронхиальной астмой, перешедшей вскоре в туберкулез, в залах Публичной библиотеки он лихорадочно ~~шарахнувшись~~ листал книгу за книгой, постигая жизнь и приближаясь к жизни в то время, как смерть ходила за ним по пятам. Недаром уже в двадцать лет было написано стихотворение "Себе на смерть", начинавшееся словами "Когда я буду умирать...", а умирал он каждый день, каждый час и каждое мгновение был уверен себе до конца, глубоко понимая задачи искусства поэзии.

Развившийся вскоре туберкулез костей, усугубивший страдания плоти, и все возраставшие дозы морфия, частые и порой бесплодные блуждания из одной аптеки в другую окончательно подрывали силы.

Остается только удивляться, как эта плоть, уже не совсем плоть, но еще и не прах, до самого исхода на краю могилы позволяла духу оставаться непобедимым и твердым, даже и там, где его могущество, пребывавшее в пустоте и обмане, бьющее через край ослепительной струей, находило выход в глубинах человеческого гения.

!!!